

К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-УКРАИНСКО- БОЛГАРСКОГО МЕЖДИАЛЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

(на материале лексики русских островных
говоров Одесщины)

Л. Ф. Баранник (Одесса)

На территории Одесской области Украины длительное время (более 200 лет) функционируют русские островные говоры, которые вследствие изоляции от основного русского диалектного массива и активного контактирования с полиязычным окружением: украинским, болгарским, молдавским, гагаузским — весьма специфичны в своем развитии.

Наблюдения показывают, что взаимодействующие системы контактирующих говоров испытывают заметное влияние друг на друга, что приводит к разным видам постепенных языковых изменений, которые свидетельствуют о своеобразии динамики говоров в полиязычном окружении.

Несомненно, изучение проблемы взаимовлияния языков и говоров должно происходить с учетом лингвистической специфики взаимодействующих языков и говоров, а также наличия или отсутствия родства между ними. Закономерно, что на территории Одесщины наиболее интенсивно взаимодействие между родственными славянскими говорами: русскими, украинскими и болгарскими, особенно между близкородственными русскими и украинскими. Процессы развития русских островных говоров своеобразны. Они отличаются от соответствующих процессов в говорах основного русского языкового и диалектного массива, в материковых говорах. Во-первых, островные русские говоры не взаимодействуют непосредственно с другими говорами русского языка, во-вторых, на них большое влияние оказывает не только русский литературный язык, но и государственный украинский литературный язык, а также соседствующие украинские, болгарские и молдавские говоры.

Как известно, степень проницаемости в результате межъязыкового контактирования на разных уровнях языковой системы не одинакова. Наиболее проницаемым ярусом языковой структуры является лексический. Взаимодействие языков и говоров ярче, глубже и разнообразнее проявляется именно в лексике. Лексика островных русских говоров дает ценнейшие сведения о специфике контактов языков разной степени родства на диалектном уровне, отражает семантико-функциональные изменения, происходящие в течение сравнительно небольшого исторического периода в системе русских говоров. В лексике многочисленны и разнообразны заимствования, свидетельствующие об активном развитии островных говоров в полиязычном окружении.

Лексика русских переселенцев Одесщины значительно пополнилась, обогатилась, видоизменилась за счет, прежде всего, близкородственного украинского языка и его говоров. В меньшей степени за счет болгарского и молдавского языков. [См. 1:85-98; 413-427] Следует отметить, что основой интенсивного контактирования русских и украинских диалектоносителей является массовый билингвизм пассивного характера, проявляющийся в форме взаимопонимания. Многие представители старшего и среднего поколения также понимают болгарский, молдавский и румынский языки.

Анализируемая нами лексико-семантическая группа названий пищи, куда входят наименования кушаний, мучных изделий, молочных и мясных продуктов, напитков, позволяет выявить ряд характерных процессов, свойственных лексико-семантическим системам островных русских говоров, функционирующих в полиязычном окружении.

Русские переселенцы сохраняют названия многих продуктов питания и блюд, которые были известны их предкам — курским и орловским крестьянам (большинство русских говоров Одесщины являются курско-орловскими по своему происхождению). Общим наименованием продуктов питания, еды в исследуемых говорах является слово *харчи*. Слово *харчи* и производные от него образования распространены во многих южнорусских говорах. (Д., IV, 542). Е. Будде записывает *харч* “кушанье, еда” в Орловской губернии (Буд. — 3, 141), Ф. И. Поликарпов — в Воронежской (Поликарп., 70). В ТСУ слово *харчи* снабжено пометами “областное” и “просторечное”. Составители 17-томного ССРЛЯ отмечают его только как “устаревшее” и “просторечное” (ССРЛЯ, XVII, 52). Таким образом, слово *харчи*, по данным словарей, расширило территорию своего употребления, перешло из разряда диалектных в просторечные. *Харчи* является общеизвестным в украинском языке, что, несомненно, способствует его активному функционированию в речи русских переселенцев. Для обозначения гиперонима, родового понятия “кушанье, блюдо” в русских островных говорах широко употребляется слово *страва*. Лексема *страва* в словаре В. И. Даля снабжена пометами “зап., пск., юж., орл., вврс.” (Д., IV, 344), в этом же значении *страва* фиксируется в смоленских (Добровольский, 880) и курских говорах (Опыт, 217). В значении “кушанье, блюдо, пища, еда” слово *страва* известно в украинском литературном языке (УРС, V, 523). *Страва* широко употребляется в украинских говорах Одесщины, характерно оно и для других украинских говоров, как южных, так и западных [См. 5:71]. И. И. Срезневский отмечает наличие этого слова в древнерусских памятниках (Ср., III, 530). *Страва* — общеславянское слово. Ср.: укр., блр. *справа*, чеш., словц. *strava*, польск. *strawa*, которые возводятся к праславянскому *strava и связываются с *трава*, *травить* (Фасмер, III, 770). Синонимом к слову *страва* выступает употребляемое только в речи старых жителей некоторых старообрядческих поселений Одесщины слово *кушаніна* “еда, причем не только вареная, но и всякая вообще”: “Кушаніна разная у мене: и пахlebка, и каша. Вот и у кадушках кушаніна”. С

пометами кур., вор. это слово в значении “еда, кушанье” фиксирует СРНГ (вып. 16, с. 194). Для наименования жидких блюд русские переселенцы употребляют слово-гипероним *варево*. Со значением “приварок” *варево* включено В. Рязановым в список особенных слов и выражений Обоянского уезда Курской губернии (В. Рез., 69). Гипонимами к *варево* выступают как общеизвестные *суп*, *борщ*, *похлебка*, *щи*, *уха*, так и диалектные *юха*, *юшка*, *кандёр*, *кулєн*, *чорба* и др. Слово *кандёр* зафиксировано в русских говорах Одесщины в значении “густой суп из пшенной крупы с салом и луком”. *Кандёр* отмечено в значении “кулеш или жидкая каша из пшена” в орловских, воронежских, калужских, брянских, кубанских, гродненских, донских, красноярских диалектах (СРНГ. вып. 14, с. 246). В смоленских говорах *кандёр* “крупник” (Добровольский, 310). О. Н. Трубочев подчеркивает, что русские говоры, которым известно слово *кандёр*, “в географическом отношении...образуют широкий пояс, примыкающий с севера к территории украинского языка, Украинскому языку и его диалектам известна форма *кандьор* “жидкая каша из круп или пшена”, которая более или менее широко употребляется, судя по записям диалектологов, в киево-полтавских говорах, на Харьковщине, Поднепровье и Херсонщине, то есть в общем по соседству с областью распространения слова *кандёр* на территории русского языка” [10:10]. Словари украинского языка включают лексему *кандьор* без локальных помет (СУМ, IV, 88; УРС, II, 306; РУС, I, 571). В русские говоры Одесщины слово *кандёр* попало, вероятно, из соседних украинских. В значении “рыбная уха” в исследуемых русских говорах функционируют лексемы *юха*, *юшка*. Слово *юшка* употребляется также для названия всякого наваря вообще. В этом же значении с пометой обл. лексема *юшка* зафиксирована в ССРЛЯ (XVII, 2011), в значении “уха рыбная” с пометой кур. в “Опыте областного великорусского словаря” (Опыт, 270). В значении “окрошка” русские переселенцы употребляют унаследованное из материнских южнорусских говоров слово *квас*. В этом же значении слово *квас* с пометами Кур., Ворон., Пск. отмечено в СРНГ (вып. 13, с. 158). В говоре села Демидово *квас* не только “окрошка”, но и “постный суп из фасоли и других овощей”. В русских говорах Одесщины, непосредственно соседящих с болгарскими, фиксируется заимствованное у болгар *чорба* “зеленый борщ” (Ср. болг. *чорба* — “похлебка”) (ЛЯМ, 613; БТР, 999).

Весьма интересна в исследуемых говорах ЛСГ “каша”, которая включает разнообразные как по происхождению, так и по способу номинации названия. Гиперонимом в данной группе является праславянская по происхождению лексема *каша*. Наблюдаются три типа каш в русских островных говорах Одесщины: во-первых, каши из немолотых и нетолченных зерен; сюда принадлежат древнейшие разновидности каш, восходящих к языческим обрядам (*кутя*, *кутья*, *коливо*), во-вторых, каши из крупы; обычно такие каши называются по основному продукту: общеизвестные *манка* “манная каша”, *гречка* “гречневая каша”, *овсянка* “овсяная каша”, *рисовая каша*, а также уз-

колокальное, не отмеченное в словарях *пшанка* “каша из пшена”. (Ср. у Даля *пшённик* — “род пшеничного коровая, крутая каша на молоке и яйцах” (Д., III, 546). В русских говорах Старая Некрасовка и Новая Некрасовка Измаильского района, соседящих с болгарскими, зафиксирована лексема *булгур* “каша из пшеничной муки грубого помола”. Видимо, это заимствование из болгарских говоров, в которых слова *булгур* и *бългур* выступают в значениях “пшеничная крупа” и “каша из такой крупы” [9:103], *балгур* — “мука крупного помола” [3: 95]. Широко употребляются в островных русских говорах Одесщины также наименования каш из толченых зерен, муки. Названия таких каш нередко мотивируются по функциональному признаку — основному продукту или способу приготовления: *затирка*, *лемешка*, *мамалыга*, *малыга*. *Затирка* — “каша из пшеничной муки на молоке” (“Муку запарюють, кладуть у малако — вот и *затирка*”). В этом же значении *затирка* бытует в курских, орловских и других южнорусских говорах (Д., I, 339; Добр., 255; Кард. — 3, 161; Мирт., 110). В значении “пища, сваренная на воде или молоке из растертой в мелкие шарики муки с водой” *затирка* включено в СУМ без ограничительных помет (СУМ, III, 352), отмечено оно и в украинских говорах (Гр., II, 107). Проф. И.А. Дзендзелевский относит лексему *затирка* к украинско-восточнославянско-польским совместным образованиям [См. 4:169]. Устойчивому сохранению слова *затирка* в русских говорах Одесщины способствует прозрачность этимологии этого слова, отсутствие однословных соответствий в русском литературном языке, широкое употребление его в соседних украинских и болгарских говорах. В селе Старая Некрасовка в речи стариков удерживается слово *лемешка* “каша из муки, затертой на кипяченой воде”. У Даля — “*лемешка* (малорус. *лемишка*) кстр. завар. саламата” (Д., II, 247), в СРНГ — “жидкая мучная похлебка, каша” (СРНГ, вып. 16, с. 349).

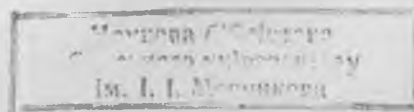
Широко распространена в русских говорах Одесщины лексема *мамалыга* “густая каша из кукурузной муки”. В словарях украинского языка *мамалыга* в этом же значении приводится без ограничительных помет (СУМ, IV, 615; РУС, I, 650; УРС, II, 481). О. Н. Трубачев считает, что укр. *мамалыга*, польск. *tataluga* “болтушка из кукурузной муки”; южнорус. *мумулыга*, *момулыга* “каша из ржаной муки” является сравнительно новым широко распространившимся заимствованием из румынского языка [См. 10:17]. В русские переселенческие говоры лексема *мамалыга*, как и в украинские, могла попасть из соседних молдавских, в которых она бытует с той же семантикой. Широкое употребление этого слова в русских говорах, несомненно, поддерживается функционированием его в молдавских, украинских и болгарских говорах Одесщины. [См. I; 3:93]. В русских говорах зафиксированы экспрессивы, образованные от *мамалыга*: *мамалыжка*, *мамалыжечка*. В настоящее время *мамалыга* является фактически широко употребительным наддиалектным номеном, общим элементом всех говоров, как славянских, так и неславянских, функционирующих на территории юго-западной части Одесщины (бывшей Бессарабии). Круг слов, общих для всего бессарабского аре-

ала, достаточно широк и разнообразен. Назрела необходимость в составлении многоязычного общесессарабского диалектологического лексико-семантического атласа по типу уже созданного и частично опубликованного “Общечарпатского диалектологического атласа”. [См. 11:127-136]. Материалы такого атласа позволили бы установить общий словарный фонд диалектов всех языков бессарабской зоны, могли бы подтвердить существование специфической бессарабской языковой общности.

Окказиональным, узко местным соответствием слова *мамалыга* является лексема *малыга*, зафиксированная в селе Александровка Котовского района. Слово *малыга* возникло в результате гаплогонии от *мамалыга*. Интересно, что в этом же говоре отмечены также *куруза* и *каруза* — местные соответствия общеизвестного *кукуруза*, образованные идентичным способом, при помощи гаплогонии.

Отдельную группу составляют названия, связанные с семейой “хлеб”. Поскольку в питании хлеб актуально важен, имеет большое значение и как дополнение к блюдам, и как самостоятельная еда, в русских говорах Одесщины многообразны наименования, связанные с хлебом. Хлеб различается по характеру продуктов, из которых он изготавливается, а также в зависимости от размеров, способа приготовления и назначения. В исследуемых говорах бытуют следующие названия, связанные с видами хлеба: *баба*, *бабка* (ср.: болг. *баба*, словацк. *baba*, польск. *baba*) — “сладкий сдобный большой хлеб”, *балабух*, *балабушек* “сдобный калач”, *калач* “белый хлеб круглой формы”, *калака* “большой сдобный калач”, *каравай* “свадебный сдобный хлеб”, *паска* “пасхальный хлеб”, *бабышка* “большой круглый хлеб”, *палыница* “большая круглая буханка белого дрожжевого хлеба”, *малай*, *мамалайник*, *курузник*, *карузник* “хлеб из кукурузной муки” и др.

Анализ показывает, что ЛСГ “хлеб” включает неоднородную по происхождению лексику. К древнейшему праславянскому слою относятся слова: *хлеб*, *пирог*, *калач*, *каравай* и др. На восточнославянской почве развился ряд лексических и семантических новообразований — *палыница*, *корж*. Новые жизненные условия, новое языковое окружение обогатили словарный состав русских островных говоров в ЛСГ “хлеб и хлебные изделия” новыми лексемами. От соседей-молдаван русские заимствовали слово *малай* — “хлеб из кукурузной муки” (ср. молд. *мэлай*). Интересно новообразование *мамалайник* “кукурузный хлеб” зафиксированное в русском говоре села Введенка Саратовского района. В основе этого слова лежат два молдаванизма *мэлай* “кукурузная мука” и *мэмэлигэ* “круто заваренная каша из кукурузной муки”. В результате контаминации и интерференции (в данном случае вследствие прибавления русского суффикса -ник к основе молдавского слова) образовалось новое слово, созданное по русской словообразовательной модели. Следует отметить, что слово *мамалайник* не зафиксировано ни одним из использованных нами словарей, в то время как *мамалыга* распространено очень широко (Д., II, 230; Гр. II, 403, ССРЛЯ, VI, 586).

Общеславянское слово *молоко* является доминантным в микрогруппе “молочные продукты”. Кислое молоко, простокваша, кефир в большинстве русских говоров Одешины именуется заимствованным из украинского языка словом *кисляк* (УРС, II, 330). В Васильевке и Русской Ивановке зафиксировано экспрессивное образование от *кисляк* — *кислячок*. В Успеновке Саратовского района в значении “кислое молоко, простокваша” наряду с украинизмом *кисляк* употребляется исконно русское *кислушка*. В этом же значении *кислушка* отмечено в СРНГ (вып. 13, с. 234). Русский старообрядческий говор Старой Некрасовки сохраняет старые исконно русские именованья *простуша* “творог из цельного молока” (Д., III, 513) и *пристойка* “стоялое молоко со сливками, с отстоем” (Д., III, 446).

У соседей-болгар русские заимствовали слово *суроватка* “сыворожка, которая отцеживается в процессе приготовления брынзы из овечьего молока”. Это слово широко известно не только в островных, но и в материковых болгарских говорах. (См. 6:148-149). Болгаризм *суроватка* в лексико-семантической системе русских говоров вступает в парадигматические, синонимические отношения с русскими диалектными *сыроватка* “сыворожка” (Д., IV, 374) и *сколотина* (Д., IV, 201) “пахтанье, сыворожка из-под сбитого масла”, а также с русским литературным *сыворотка* “жидкость, полученная при свертывании молока, при образовании простокваши и творога, при сбивании масла” (ССРЛЯ, 14, с. 1347). И. А. Стоянов считает, что появление лексемы *суроватка* в русских говорах Одесской области “объясняется тем, что переселенцы могли позаимствовать некоторые неизвестные ранее способы обработки молока (в том числе и овечьего) и получения таких продуктов, как, например, брынза, кислое молоко у соседей-болгар” (9: 108). Таким образом, *суроватка* вошла в активное повседневное употребление русских переселенцев вместе с “предметным новшеством”.

Вместе с заимствованием ранее неизвестных русским кушаний из болгарских говоров в русские пришли лексемы *манджя* “густой постный соус из баклажан, помидоров, перца и лука” (6:97; БТР, 392; Чук., 377), *каларма*, *каварма* (ср. болг. *кавърма*) “баранье мясо, тушенное с острыми приправами” (См. 3:93), *пастарма* “разрезанное на тонкие ломти, сильно просоленное мясо, завяленное на солнце” (См. 3:93).

Заимствования вместе с новой вещью, реалией, новым явлением, понятием называют “культурными заимствованиями” (См. 2:213; 6:2). Такого рода заимствования “особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несет их вместе с собой...” (2:212). “Культурные” заимствования представляют собой ценный материал, по которому можно судить об особенностях взаимоотношения одного народа с другим, о специфике и степени влияния одного языка на другой. “Культурные” заимствования весьма важны не только для лингвиста, но и для историка, этнографа. Большинство “культурных” заимствований, связанных с пищей, вошло в русские переселенческие говоры Одесской области из близкород-

ственного украинского языка: *галушки*, *вареницы*, *вареники*, *пампушки*, *кулиш*, *капустняк*, *кандёр* и др.

Включаясь в лексико-семантическую систему русских говоров, заимствования претерпевают фонетические, морфологические и смысловые изменения в соответствии с внутренним строем говоров. Взаимодействие заимствованных слов с исконно русскими диалектными и литературными приводит к появлению в русских островных говорах, функционирующих в полиязычном окружении, большого количества дублетных и синонимических образований, компоненты которых отличаются друг от друга функционально, степенью употребления, стилистической окраской, а в некоторых случаях и семантически, оттенками значений.

Длительное межязыковое и междиалектное контактирование, изоляция от материнского диалектного массива способствуют появлению в русских островных говорах значительного количества новообразований, возникающих как на базе исконно русских (литературных и диалектных), так и заимствованных корней.

Литература

1. Баранник Л. Ф. Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1969; Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области // Русские говоры на Украине. — Киев: Наукова думка, 1982, с. 85-98; Някои особености на българо-руските междудиялектни контакти на територията на Одеска област в Украйна // Българите в Северного Причерноморие. Изследвания и материали. Том шести. — Велико Търново, 1997, с. 413-427.
2. Вандриес Ж. Язык. — Москва, 1937.
3. Державинъ И. С. Болгарскія колоніи въ Росіи / Таврическая, Херсонская и Бесарабская губерніи/. — София: Мартилен.
4. Дзедзельський Й. О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. — Київ, 1969.
5. Зинівій Бичко. Діалектна лексика Опілля. — Львів, 1997.
6. Клепикова Г. К. Славянская пастушеская терминология. — Москва, 1974.
7. Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. — Киев, 1915.
8. Потораднева-Зеленина Э. И. Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР // Статьи и материалы по болгарской диалектологии, вып. 5. — Москва: АН СССР, 1954.
9. Стоянов И. А. Болгарские элементы в русских говорах Одесской области // Русские говоры на Украине. — Киев: Наукова думка, 1982, с. 99-115.
10. Трубочев О. Н. Из истории названий каш в славянских языках // Slavica, XXIV, I. — Praha, 1960.
11. Удлер Рубин. Особенности составления многоязычного проблемного атласа /Общекарпатский диалектологический атлас/ // Проблеми сучасної археології. — Київ: Наукова думка, 1994, с. 127-136.

Список условных сокращений

- БТР Български тълковен речник. — 2-е изд. — София, 1963.
- Буд.-3 Е. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь. // Сборник ОРЯС, т. 76, № 3. — СПб., 1904.
- Гр. Б. Гринченко. Словарь украинского языка. Т. I — IV. — Киев, 1907-1909.
- Д. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. Москва, 1955.
- Добр. В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. — Смоленск, 1914.
- Кард.-3 С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 88, вып. 5. — Москва, 1960.
- ЛАМ Л. А. Мичатек. Дифференциальный болгарско-русский словарь. — Санкт-Петербург, 1910.
- Мирт. А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. — Ростов-на-Дону, 1929.
- МРС Молдавско-русский словарь. — Москва, 1961.
- Опыт Опыт областного великорусского словаря. — Санкт-Петербург, 1852.
- Поликарп. Ф. Поликарпов. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. — Воронеж, 1913.
- Рез. В. В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии. // Отдельный оттиск из "Русского филологического вестника", т. XXXVIII № 3. — Варшава, 1897.
- РУС Русско-украинский словарь. Т. I-III. — Киев, 1968.
- Ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III: Санкт-Петербург, 1893, 1895, 1903.
- СРНГ Словарь русских народных говоров., вып. 1-26. — Москва-Ленинград, 1965-1991.
- ССРЛЯ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. — Москва, 1948-1965.
- СУМ Словник української мови. Т. I-IV. — Київ, 1970-1975.
- УРС Українсько-російський словник. Т. I-IV. — Київ, 1953-1962.
- ТСУ Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. I-IV. — Москва, 1935-1940.
- Фасмер Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. — Москва, 1964-1973.
- Чук. Сава Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.